

— Журналы, батюшка! Есть пустые, а есть съ картинками. Уstanете читать—картинки посмотрите. Все легче на душѣ будетъ!

Прягинъ произнесъ:

— Хорошо, давай сюда журналы и огонь!

Захаровна подала свѣчи, пачку журналовъ и зажгла лампу. Никодимъ Павловичъ долго разрѣзывалъ большимъ костянымъ ножомъ книжки и тетради журналовъ, но ничего не могъ читать. Второй стаканъ чаю точно такъ же застылъ, какъ и первый. Онъ вздохнулъ, отодвинулъ отъ себя журналы и сталъ смотреть въ окно.

Межъ вѣтвей высокихъ деревьевъ видѣлось темное, безлунное небо. Рѣка, словно черное зеркало, блестѣла внизу, тамъ и сямъ отражая въ себѣ погасающіе лучи вечерней зари. Скоро эти лучи совсѣмъ потухли. По ту сторону Днѣпра, далеко, далеко, мерцалъ блѣдный огонекъ костра. Но погаснулъ и онъ.

Никодимъ Павловичъ уронилъ голову на руки. На подоконникѣ тихо капнула слезинка. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный. „Этого еще не доставало!“ — подумалъ онъ и сердито закрычалъ:

— Захаровна! Уберите этотъ чай, да, пожалуйста, закройте окна! Кажется, все небо въ тучахъ, и будетъ дождь!

V.

Гранковскій встрѣтилъ въ клубѣ знакомыхъ врачей и завелъ съ ними разговоръ о безобразныхъ порядкахъ въ больницѣ, гдѣ онъ состоялъ ординаторомъ. Старшій врачъ беретъ взятки, смотритель воруетъ, больные ходить въ лохмотьяхъ, ихъ кормятъ невозможной пищей. Врачи слушали Гранковского, сочувственно улыбались его выходкамъ, хохотали, когда онъ изображалъ въ лицахъ служебный персоналъ богоугоднаго заведенія, измѣняя голосъ и гримасничая, и пили въ угловой гостиной его ликеръ, чай, портеръ.

Распиная взяточниковъ, Ѳедоръ Игнатычъ часто уносился мыслью въ усадьбу Цариновыхъ, и ему мерещилась молоденькая дѣвушка съ удлинненнымъ личикомъ и милыми глазами. Отъ этого онъ вдругъ останавливался среди разсказа. „Взглядъ его устремлялся на минуту въ неопредѣленное пространство, и онъ, начавъ грознымъ обличеніемъ, кончалъ ничѣмъ—улыбкой и шуткой...

Онъ собирался въ театръ. Было поздно, но все равно, ему